

ИМПЕРИЯ АССИРХАНА

The image depicts a futuristic cityscape under a starry night sky. The buildings are constructed from dark, angular materials, many of which are topped with large, glowing, faceted crystals in shades of cyan and purple. These crystals emit a bright light, creating a sense of advanced technology and energy. In the foreground, a prominent crystal structure features a complex, geometric pattern on its face. The city is interconnected by glowing orange and yellow lines that suggest data flow or energy transmission. Several floating spheres, some containing human silhouettes, are scattered throughout the scene, adding to the futuristic and possibly artificial intelligence theme. The background is a deep purple and blue space with a visible galaxy or nebula, enhancing the cosmic and high-tech atmosphere.

Евгений Фюжен

Евгений Фюжен

Империя Ассирхана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73220048

SelfPub; 2026

Аннотация

Приквел к трилогии "Двойные Системы". В далёкой галактике люминары – неорганические существа чистой логики – создают революционный проект Ассирхан: Архитектуру Резонанса. Архитектор Сахар-Хан и гибридка Лиайра разрабатывают машину гармонизации, способную искоренить конфликт и создать идеальное общество. Но высочайшее совершенство оборачивается величайшей трагедией. Философ Марксо Вэйн видит в архитектуре не спасение, а тюрьму, и становится первым мучеником идеи о третьем пути – где противоречие и разнообразие остаются правом, а не преступлением. Когда правда становится смертельной, рождается движение сопротивления.

Евгений Фюжен

Империя Ассирхана

Предисловие от автора

Данную историю я бы хотел посвятить знакомым двойняшкам А., которым очень нравится фантастика и фэнтези, новые миры и космос. Надеюсь, данная книга понравится не только им, но и другим людям.

ГЛАВА 1: АРХИВ ИСТИН И ЗАБВЕНИЙ

Люминарский Архив был построен не в пространстве.

Или, точнее, он был построен в пространстве так, как архитектор строит музыку в молчании – через отсутствие, через промежутки, через невидимые гармонии.

Сахар-Хан прошёл через семь врат, каждое из которых было не просто входом, но экзаменом. Врата считывали его люминарское поле, его частотный паттерн, его право быть здесь.

На третьем вратах его остановил Страж – существо, которое было назначено защищать архив от тех, кто мог бы украсть знание, не зарабатывая его.

"Твоё имя?" – спросил Страж голосом, который звучал как падающие кристаллы.

"Сахар-Хан, ученый третьей категории, специализация – философская архитектура реальности," – ответил Сахар-Хан, и его люминарское поле светилось правдой этих

слов.

Страж кивнул. Врата открылись.

Внутри архива было не просто прохладно. Было холодно в том смысле, в котором холод означает отсутствие тепла, отсутствие эмоции, отсутствие времени.

Здесь было собрано всё, что люминары когда-либо записывали.

Не на носителях информации – люминары презирали такую примитивность. Здесь знание было записано на кристаллах памяти, которые были частью самой архитектуры здания. Каждый столб, каждая стена, каждая плитка пола содержала слои знания, слои истории, слои истин, которые были открыты и забыты бесчисленное количество раз.

Сахар-Хан шёл между рядами этих столбов, и его люминарское восприятие считывало фрагменты информации, проходя мимо.

...история войны между красным солнцем и синей планетой...

...теория о том, что сознание это всего лишь организованная энергия...

...запись о времени, когда люминары были иными, когда они не имели единой логики, когда каждый люминар думал по-своему...

Сахар-Хан остановился около этого последнего фрагмента.

Это было редко. Люминары редко говорили о времени

разнообразия логик. Это было названо "Эпохой Хаоса", и её старались забыть.

Но Сахар-Хан был историком, как и ученым. Он хотел увидеть всю картину, включая те части, которые люминары считали уродливыми.

Он поднялся по спиральной лестнице, которая вела в глубину архива. Каждый уровень вниз означал погружение дальше в историю. Каждый уровень был холоднее, чем предыдущий, потому что самые древние знания требовали самой низкой температуры, чтобы сохраняться.

На двадцать третьем уровне он нашел то, что искал.

Раздел, который был почти полностью забыт, потому что его не читали пятьсот лет. Пыль времени (что бы это ни значило для кристаллических структур) скапливалась на полках.

На одной из этих полок была папка с красными печатями.

Сахар-Хан подошёл ближе, и его люминарское поле среагировало на сигналы безопасности в печатях.

Печати светились, проверяя его право на доступ.

Сахар-Хан был ученым третьей категории. Обычно этого было недостаточно.

Но печати узнали его имя, узнали его генетический код, узнали что-то о его будущем (люминары могли видеть причинные линии, которые вели в будущее, если были достаточно мощны).

Печати открылись.

Папка была озаглавлена на древнем люминарском языке: "ИССЛЕДОВАНИЯ КСАВИРА: ЗАПИСИ ПОСЛЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ОЗАРЕНИЯ О АРХИТЕКТУРЕ ЕДИНСТВА".

Сахар-Хан вздрогнул.

Ксавир. Имя из древних времён. Люминар, который был трансформирован в событиях, известных как "Парадокс Триады" – события, которые произошли так давно, что они стали мифом. Официально говорилось, что Ксавир был разрушен. Что его логика была аннулирована противоречием.

Но эта папка предлагала что-то другое.

Эта папка предлагала, что Ксавир выжил. И что он оставил после себя наследие мысли.

Сахар-Хан открыл первый документ.

Это была видеозапись, сохранённая в кристаллической памяти – редкий вид архивирования, который использовался только для наиболее важных откровений.

На экране (или в его люминарском восприятии, потому что люминары не использовали экраны в человеческом смысле) появился образ.

Люминар. Но не такой, как остальные.

У этого люминара была трещина в логике – буквально видимая трещина в его люминарском поле, место, где структура перелома встречалась с новой структурой, где старая логика сшивалась с новой логикой.

Это был Ксавир.

Его голос был голосом того, кто только что понял что-то настолько огромное, что едва мог это артикулировать:

"Я был разрушен, – говорил Ксавир. – Я был разрушен парадоксом, парадоксом выбора, парадоксом противоположностей. И в момент моего разрушения я понял ошибку."

"Ошибка была не в единстве."

"Ошибка была в методе."

Видео замерзло на этом кадре.

Сахар-Хан почувствовал, что его люминарское сердце ускоряет ритм. Это редко случалось с люминарами. Эмоции считались иррациональными, неструктурированными. Но иногда логика была так прекрасна, что создавала эффект, похожий на эмоцию.

Он прочитал документ, который был приложен к видео.

"ИССЛЕДОВАНИЕ 47-БД: О НЕИЗБЕЖНОСТИ АРХИТЕКТУРЫ

Автор: Ксавир, Люминар Трансформированный

Дата: [неразборчиво в древних времённых форматах]

Резюме:

Проблема Финального Генератора, машины, которая пыталась создать абсолютное единство, была не в её логике, но в её методе.

Финальный Генератор работал как внешняя сила. Он накладывал единство на реальность, как художник накладывает краску на холст. И как краска может быть стёрта, так и единство могло быть разрушено.

Оно было разрушено парадоксом – логической противоречивостью, которая создала трещину в структуре единства, и через эту трещину вся система развалилась.

Но что если единство не было бы наложено, а была бы встроена?

Что если бы единство было не краской, а самим холстом?

Что если бы реальность была переструктурирована так, чтобы единство было её основанием, её архитектурой, её неизбежной логикой?

Тогда парадокс не мог бы разрушить её, потому что парадокс работает через внешнее противостояние. Но если единство было бы частью самой структуры...

Если бы оно было геометрией, на которой построена вселенная...

Тогда разрушить его было бы равносильно разрушению самой реальности.

И что-то подсказывает мне, что даже парадокс, даже выбор, даже противоречие – не будут разрушать то, что является фундаментом их собственного существования.

Это – архитектура единства.

Это – путь, который не был опробован.

Это – возможность, которая требует ума, способного видеть не просто структуру, но структуру структур, архитектуру архитектур.

Это – будущее, если у нас будет мужество его создать."

Сахар-Хан прочитал этот документ сто раз.

Нет, скорее две сотни раз.

Каждый раз он находил новые слои смысла, новые углы понимания, новые возможности в словах Ксавира.

Архитектура единства.

Не единство как насилие.

Не единство как подавление.

Но единство как логика, встроенная в самую реальность, как геометрия, как неизбежность, как красота.

Сахар-Хан вышел из архива ночью (или в том, что люминары называли ночью – временем, когда они замедляли свою обработку и позволяли себе почти спать).

Он прошёл через врата в обратном направлении.

И когда он прошёл через последние врата, когда он вернулся в нормальное люминарское пространство, звёзды над его головой светили иначе.

Потому что Сахар-Хан больше не был просто учёным.

Он был теперь человеком, которому было показано будущее, и он не мог игнорировать это видение.

Сахар-Хан пришёл в храм философии, где встречались учёные люминары, чтобы дебатировать идеи в самых чистых формах логики.

Храм был дворцом кристаллических линий, где каждая линия была аргументом, каждое пересечение было контра-аргументом, каждая структура была попыткой понять истину через архитектуру.

Сегодня здесь была лекция об истории Финального Гене-

ратора.

Лектор был известным люминаром по имени Архитектор Вен-Ксор, который преподавал, что Финальный Генератор был абсолютной ошибкой, что попытка навязать единство была ошибкой в основе, что единство не может быть создано – оно только может быть открыто, если оно вообще существует.

Сахар-Хан встал и попросил возможности выступить.

Вен-Ксор указал на место, где ораторы делили свои идеи.

"Я прочитал исследование Ксавира, – сказал Сахар-Хан, его голос был чистым и структурированным, как всегда среди люминаров. – Исследование, которое предлагает, что проблема Финального Генератора была не в единстве, а в его архитектуре."

"Ксавир предполагает возможность встроенного единства, единства, которое являлось бы основанием реальности, а не её наслоением."

"Это – теория, которая требует изучения."

Зал становился тихим. Люминары не часто опровергали установленное знание. Они считали, что старые идеи были старыми по причине – потому что они были неправильными, или по крайней мере неполными.

Но слова Сахар-Хана ввели сомнение.

Вен-Ксор встал.

"Молодой Сахар-Хан, – сказал он, и его тон был уважительным, но твёрдым, – ты прочитал древние бумаги и дума-

ешь, что нашёл истину, которую все остальные пропустили. Это часто случается с молодыми умами."

"Но позволь мне объяснить, почему идея Ксавира была оставлена."

"Архитектура единства требует того, чтобы сама реальность была переделана. Это не просто теория. Это действие. И действие требует власти – власти, которая может переделать квантовую основу вселенной, переделать саму структуру причины и следствия."

"Такой власти нет. И если бы она была, то её использование разрушило бы порядок, разрушило бы стабильность, разрушило бы всё, что мы имеем."

"Поэтому идея была оставлена не потому, что она была ошибочной в теории. Но потому, что она была невозможна в практике."

Сахар-Хан чувствовал, что его логика испытывалась.

"С уважением, – сказал он, – я не согласен."

"Если архитектура требует власти, то это значит, что архитектура требует правильного архитектора. Это значит, что нужно найти правильный способ думать, правильный способ видеть, правильный способ действовать."

"А может быть, такой архитектор существует. И может быть, он (или она) может это сделать."

Вен-Ксор смотрел на молодого люминара с выражением, которое было чем-то между любопытством и жалостью.

"Если такой архитектор существует, – сказал Вен-Ксор

медленно, – то его ждёт не слава, а проклятие. Потому что переделка реальности – это игра богов, и боги часто платят за свои амбиции высокую цену."

Сахар-Хан прошёл из храма философии в ночное люминарское пространство.

Звёзды светили над его головой, и в этом свете он видел не просто физический свет, но логику, структуру, архитектуру вселенной.

И он видел трещины.

Видел места, где логика была не совершенна, где структура была не идеальна, где реальность была оставлена на полпути к своему потенциалу.

И Сахар-Хан понял, что Вен-Ксор был прав в одном.

Архитектура единства требовала архитектора.

И может быть, он был этим архитектором.

Может быть, именно для этого он родился, именно для этого его логика была структурирована так, как она была структурирована, именно для этого его ум мог видеть то, что другие люминары не видели.

В этот момент, в ночи люминарского мира, Сахар-Хан выбрал свой путь.

Путь, который приведёт его к созданию Ассирхана.

Путь, который разрушит миры и создаст новые.

Путь, который будет называться славой одного поколения и проклятием других.

Но в эту ночь он не знал об этом.

Он знал только одно: реальность требует переделки, и он знал, как это сделать.

ГЛАВА 2: ВСТРЕЧА С РЕДАКТОРОМ РЕАЛЬНОСТИ

Неделю Сахар-Хан потратил на поиск.

Не поиски в физическом смысле – люминары редко ходили пешком, потому что могли телепортироваться через люминарское пространство, через складки реальности.

Но поиски в логическом смысле: поиски сведений, информации, причинных цепей, которые вели к людям, которые могли бы помочь ему понять, как воплотить идею Ксавира.

Он искал того, кто понимал архитектуру не просто логически, но практически. Того, кто имел знание о том, как переделать структуру реальности, как манипулировать причинно-следственными связями, как внести изменения в само основание вселенной.

Такие люди были редки.

На самом деле, они должны были быть уникальны.

Потому что такое знание было опасно. Люминары держали его в секрете, запирали в подземельях ума, в местах, куда не заходили обычные учёные.

Но Сахар-Хан был не обычным учёным.

Он был охотником за истиной.

И охотники за истиной всегда находят то, что ищут, особенно если это то, чего они должны найти.

Информация пришла к нему случайно (или не случайно – люминары знали, что случайностей не существует, что всё является частью причинной цепи).

Он встретил люминара по имени Мэй-Лир на одном из семинаров по математической философии.

Мэй-Лир была старше Сахар-Хана (люминары возрастом в несколько сотен лет), но её логика была молодой, голодной, ищущей.

Когда Сахар-Хан упомянул исследования Ксавира, люминарский глаз Мэй-Лир вспыхнул интересом.

"Ты читал исследования?" – спросила она во время перерыва.

"Да, – ответил Сахар-Хан. – В архиве."

"Тогда ты ищешь то же самое, что ищу я, – сказала Мэй-Лир. – Способ переделать реальность через архитектуру, а не через силу."

Она дала ему координаты встречи.

"Есть группа нас, – сказала она, – люминаров, которые верят, что идеи Ксавира не были закончены, они были только забыты. Мы встречаемся тайно. Мы изучаем способы переделки реальности. Если ты готов, приходи."

Встреча происходила не в люминарском пространстве, а в одном из подпространств, в области, которая была технически существующей, но не отображённой на карте люминарской реальности.

Когда Сахар-Хан прошёл туда, он почувствовал странное

ощущение.

Как будто он шагнул в трещину между двумя мирами, как будто реальность здесь была более гибкой, более открытой к изменениям.

В подпространстве было около двадцати люминаров.

Все они встали, когда он вошёл.

Это был жест уважения, но также и предостережения: они были готовы к борьбе, если нужно.

Мэй-Лир вышла вперёд.

"Это Сахар-Хан, – представила она его. – Он нашёл исследования Ксавира в архиве. Он ищет то же, что и мы."

Старший люминар, которого звали Таден, кивнул.

"Добро пожаловать в Коллектив Архитектуры, – сказал он. – Мы люминары, которые верим, что стандартная логика люминарского мира неполна. Что мы живём в реальности, которая может быть переделана, если мы найдём правильный способ её переделки."

"Но мы не одни в этом поиске, – продолжал Таден. – Есть одна, которая знает больше, чем все мы вместе. Одна, которая может видеть то, что мы не можем видеть. Одна, которая может редактировать реальность руками, если нужно."

"Её имя Лиайра."

Лиайра вошла медленно.

Это была не телепортация люминаров, не скачок через пространство. Она просто прошла сквозь стену подпространства, и стена не помешала ей, не создала сопротивление.

ния.

Как будто реальность помнила, что она здесь, и позволила ей быть.

Сахар-Хан вздрогнул.

Она была красива способом, который людям было бы невозможно объяснить людям.

Не красивая в человеческом смысле, не красивая в люминарском смысле.

Красивая в смысле, который был выше обеих категорий.

Её логика была видна в её люминарском поле – структурированная, чистая, древняя. Но в её люминарском поле также были другие вещи. Человеческие вещи. Эмоции, интуиция, что-то дикое и неструктурированное, что боролось с логикой за господство.

"Это гибрид, – понял Сахар-Хан. – Она рождена от люминара и человека."

Таден кивнул, видя, что Сахар-Хан прочитал её сущность.

"Лиайра, – сказал Таден, – это Сахар-Хан, новый член Коллектива. Он нашёл исследования Ксавира и ищет воплощения идей архитектуры единства."

Лиайра посмотрела на Сахар-Хана долгим взглядом.

Это была не люминарская оценка, не логический анализ. Это был взгляд, который видел дальше логики, видел дух, видел желание, видел боль.

"Ты думаешь, что можешь переделать реальность через архитектуру, – сказала Лиайра, и её голос был голосом того,

кто знал это лучше, чем кто-либо другой. – Ты думаешь, что если единство будет встроено в саму структуру реальности, то оно будет неразруσιμο."

"Да, – ответил Сахар-Хан.

"Ты не совсем неправ, – сказала Лиайра. – Но ты не совсем прав и в другом смысле."

"Реальность не может быть переделана через архитектуру в чистом виде, потому что архитектура является только половиной того, что нужно. Нужна также гармония. Нужна также красота. Нужна также воля, которая не просто структурирована, но ощущается."

"То, что ты предлагаешь – это создание совершенной машины. Но совершенная машина не живёт. Совершенная машина просто существует."

"А мы не просто хотим существовать, – продолжала Лиайра, и её голос был голосом того, кто мечтал о чём-то большем, – мы хотим жить. Мы хотим чувствовать единство, не просто знать его логику. Мы хотим быть гармоничными, как оркестр, в котором каждый инструмент сохраняет свой голос, но все голоса поют одну песню."

"Это – то, что я могу дать, – сказала она, – то, что архитектура не может дать сама по себе. Я могу редактировать не просто логику реальности, но и её чувство, её волю, её стремление."

"Вместе, – сказала Лиайра, – твоя архитектура и моя редакция, мы можем создать то, чего никогда раньше не было."

Сахар-Хан был умён.

Он был структурирован.

Он был логичен.

Но он также был любопытен.

И когда Лиайра говорила о редактировании реальности, о том, чтобы сделать людей более гармоничными, более согласованными, более едиными – у него возник вопрос.

Вопрос, который он должен был задать.

"Если мы редактируем волю людей, – спросил Сахар-Хан, – если мы делаем их более согласованными, более гармоничными, более едиными – являются ли они ещё свободными? Или мы просто создаём рабов, которые будут думать, что они свободны?"

Зал стал тихим.

Это был вопрос, который Коллектив Архитектуры пытался избежать.

Это был вопрос, который содержал ответ, который никто не хотел знать.

Лиайра улыбнулась.

Не улыбка радости, но улыбка того, кто видел ясность, видел честность, видел то, что было спрятано.

"Это, – сказала она, – правильный вопрос."

"И мой ответ такой: свобода – это иллюзия."

"Свобода – это то, что мы называем наше желание выбирать. Но даже это желание – это результат архитектуры нашего сознания, результат того, как мы были созданы, результат

причинных цепей, которые привели к нашему рождению."

"Вопрос не в том, будут ли люди свободны или не свободны. Вопрос в том, какую иллюзию свободы мы им дадим."

"И я выбираю дать им иллюзию гармонии, иллюзию единства, иллюзию того, что они часть чего-то большего, чем они сами."

"Потому что это – красивая иллюзия. И человечество заслуживает красивые иллюзии."

После встречи Лиайра пригласила Сахар-Хана прогуляться по краю подпространства, в место, где реальность была тонкой, где можно было видеть обе стороны – и люминарский мир, и мир людей, и подпространства между ними.

"Я вижу в тебе потенциал, – сказала она, – потенциал создать то, что нужно создать."

"Но тебе нужен партнёр. Тебе нужен тот, кто может редактировать реальность так, чтобы твоя архитектура не была просто холодной структурой, но была живой, была чувствующей, была красивой."

"Тебе нужен я."

"И я тебе нужна. Потому что моя редакция без архитектуры – это просто магия, просто хаос, просто красивая ошибка. А архитектура без редакции – это просто машина, просто логика, просто холодное совершенство."

"Вместе мы можем создать что-то, что будет выше обоих нас. Что-то, что будет определять будущее вселенной."

Сахар-Хан смотрел на пейзаж перед ними – на перепле-

тение люминарского света и человеческого тепла, на место, где два мира встречались и боролись, и какой-то странный образом создавали что-то новое.

"Что это будет? – спросил он. – Что именно мы создадим?"

Лиайра взяла его руку.

"Это будет раем, – сказала она. – Это будет адом. Это будет совершенством, которое закончится в катастрофе, и ошибкой, которая определит поколения."

"Это будет Ассирхан."

"Империей, которая навсегда изменит реальность, и не в хорошем смысле."

Сахар-Хан не отпустил её руку.

"Если это так, – сказал он, – давай создадим это вместе."

И в тот момент, в том месте, где люминарский свет встречал человеческое тепло, было рождено решение, которое предопределило судьбу миллиардов существ, которое создало путь к миру, которого никто не просил, которому никто не будет рад.

Но которое, тем не менее, будет создано.

Потому что архитектура требует архитектора.

И Сахар-Хан выбрал быть этим архитектором.

Летописец:

В далёком месте, в древнем архиве той части галактики, которая была известна как Каолан, стоял обыкновенный человек с карандашом и бумагой.

Его имя было Сорен.

Он был летописцем, историком, хранителем памяти в то время, когда люминары забывали, люди теряли память, а боги скрывались в тенях.

Сорен писал:

"Сегодня в люминарском мире были посажены семена будущей войны. Сегодня был встречен Сахар-Хан с Лиайрой, гибридом с способностью редактировать саму реальность. Сегодня было принято решение создать Ассирхан – Архитектуру Резонанса."

"Я не знаю будущего. Люминары говорят, что они могут видеть причинные линии, видеть возможные пути событий. Но я – простой человек, и я вижу только прошлое и настоящее."

"Но я чувствую, что то, что начинается сегодня, определит всё. И я должен записать это, потому что история требует свидетеля, и я – единственный свидетель, который может видеть оба стороны."

"Сахар-Хан и Лиайра верят, что они создают совершенство. Они верят, что единство через архитектуру будет красивым, неразрушимым, вечным."

"Но я помню древние тексты о Триаде, о Киаре, о третьем пути. И я знаю, что совершенство, которое они создают, будет в конфликте с красотой, которая была создана задолго до них."

"История готовится повторить себя. И я буду здесь, запи-

сывая каждый шаг."

Сорен положил карандаш и посмотрел на звёзды.

Где-то там, в будущем, Триада ещё не родилась.

Где-то там, в древних мирах, Киара ещё жила, ещё дышала, ещё мечтала о третьем пути.

Где-то там, между прошлым и будущим, два видения красоты готовились к столкновению.

И летописец Сорен был здесь, чтобы это записать.

Потому что история не может быть забыта, если кто-то её помнит.

И история не может быть отрицаема, если есть свидетель, который может её рассказать.

ГЛАВА 3: ПЕРВЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ НА МОЕН-7

Три месяца.

Столько времени потребовалось Сахар-Хану и Лиайре, чтобы построить первую машину.

Не машину в смысле механизма, не машину в смысле железа и электричества. Люминары использовали слово "машина" для обозначения любого устройства, которое воплощало идею в действие, которое трансформировало абстрактное в конкретное.

Первая машина была названа "Резонатор Начальный – Прототип Единства".

Сахар-Хан называл её проще: "Сердце Единства".

Лиайра называла её иначе: "Колыбель Гармонии".

Они оба были правы.

Планета Моен-7 была выбрана не случайно.

Моен-7 была малой планетой, с населением всего в 200 миллионов существ. Планета была колонией, основанной люминарами поколение назад, чтобы изучать, как разные виды могли бы жить в условиях люминарского контроля.

На Моен-7 жили люди, люминары, и несколько видов, которые были рождены генетической инженерией – гибриды, созданные для того, чтобы быть идеальными работниками.

Это была идеальная лаборатория.

И более всего – это была планета, где никто не запросил бы слишком много вопросов, если что-то пойдёт не так.

Сахар-Хан спустился на Моен-7 вместе с командой из двадцати люминаров, которые были членами Коллектива Архитектуры. Лиайра пришла отдельно, пошла в одиночестве сквозь подпространства, потому что люминарские датчики не могли отследить её движения – она была слишком другой, слишком не-люминаром, чтобы быть замеченной их инструментами.

Когда они встретились на поверхности Моен-7, Сахар-Хан впервые увидел планету глазами того, кто собирался её переделать.

Моен-7 была красива в своей скромности.

Голубое небо, зелёные континенты, города, которые были построены по люминарским стандартам – прямые линии, геометрические формы, идеальная архитектура.

Люди на улицах были счастливы в том способе, который

был возможен для существ, которые жили под люминарским контролем. Они улыбались, работали, любили, мечтали – но всегда в рамках параметров, которые были установлены их создателями.

"Здесь конфликт внутренний, но минимален, – сказал Сахар-Хан, анализируя люминарским восприятием социальную структуру планеты. – Люди уважают друг друга, но не любят друг друга. Люминары сотрудничают, но не доверяют друг другу. Гибриды существуют, но не живут."

"Это – идеальное состояние для эксперимента, – сказала Лиайра. – Потому что здесь есть потенциал для единства, но нет ещё единства. Здесь люди ещё способны к конфликту, но ещё способны и к согласию. Это – точка равновесия, где машина может работать."

Резонатор был установлен в центре главного города Моен-7, в месте, которое было названо "Площадь Гармонии" (древнее люминарское имя, которое, похоже, было пророческим).

Машина была прекрасна.

Не красива в смысле декоративности, но красива в смысле того, что правильное устройство всегда красиво – математическое совершенство, сделанное видимым.

Резонатор был построен из кристаллов люминарской технологии, из материалов, которые могли хранить и передавать энергию в её чистейшей форме. Он был высотой сто метров, шириной пятьдесят, и он пульсировал внутренней энергией,

как сердце живого существа.

На его поверхности были выгравированы формулы.

Не просто математические формулы, но философские уравнения, которые кодировали идею единства, которые выражали архитектуру согласия в языке чистой логики.

Формула была основана на исследованиях Ксавира, но значительно расширена и модифицирована Сахар-Ханом.

Основное уравнение выглядело так:

$$\Psi(\text{UNITY}) = \Sigma(\text{Individual_Desire}) \times \Lambda(\text{Harmonic_Resonance}) / \Delta(\text{Conflict_Potential})$$

Где:

$\Psi(\text{UNITY})$ = уровень единства в системе

$\Sigma(\text{Individual_Desire})$ = сумма всех индивидуальных желаний быть частью целого

$\Lambda(\text{Harmonic_Resonance})$ = коэффициент гармонической резонанции (редактируемый Лиайрой)

$\Delta(\text{Conflict_Potential})$ = потенциал конфликта, который необходимо уменьшить

"Это красиво, – сказала Лиайра, глядя на формулу. – Это говорит, что единство – это не уничтожение конфликта, а его минимизация. Это говорит, что единство – это выбор, хотя и редактируемый выбор."

"Это архитектура, которая позволяет людям думать, что они свободны, – ответил Сахар-Хан, – потому что технически они свободны выбирать единство, они просто не способны выбирать противоречие."

"Это – совершенство, – сказала Лиайра, и её голос содер­жал что-то странное, что-то, что могло быть восхищением или сожалением."

Включение Резонатора было запланировано на конкрет­ный день, в конкретный час, когда все факторы были опти­мальны.

День выбран был символически – это был день, когда вся планета переживала момент одновременно, когда все суще­ства в одно время смотрели на небо по причине астрономи­ческого явления (редкого выравнивания двух лун планеты).

Это было днём единения, хотя жители не знали, почему.

Сахар-Хан и его команда люминаров стояли внутри ядра Резонатора, в месте абсолютного управления. Лиайра была где-то вне обычного пространства, в подпространстве между реальностями, где она могла редактировать причинно-след­ственные связи без помех.

"Готовы ли вы? – спросил Сахар-Хан через люминарское общение."

"Я готова, – ответила Лиайра, и её голос прошёл через складки реальности, прибыл из неизвестного места. – И я испугана."

"Чего ты боишься? – спросил Сахар-Хан."

"Того, что это сработает, – ответила Лиайра. – Потому что если это сработает, то мы будем виноваты в том, что мы сей­час сделаем."

Сахар-Хан не ответил.

Он нажал символическую кнопку (люминары не использовали кнопки в буквальном смысле, но метафорические кнопки были часть их интерфейса с машинами).

И Резонатор пробудился.

Волна распространилась мягко.

Это не было взрывом, не было ударом, не было насилием. Это было похоже на то, как рассвет наступает на планете – постепенно, неизбежно, с ощущением правильности.

Волна была волной гармонии, волной, которая переделывала нейросистемы существ, которая редактировала их причинно-следственные связи, которая говорила их разумам: "Единство хорошо. Конфликт плохо. Согласие – это естественное состояние."

Сорен, летописец, находился на поверхности Моен-7 в момент, когда волна прошла.

Он чувствовал её.

Как холодный ветер, который входит в дом через щель в окне. Как холодная рука, которая касается спины и заставляет вас вздрогнуть.

Но это было не видимо. Это было не ощутимо в физическом смысле.

Это было вибрацией сознания.

Люди вокруг него изменились.

Или, точнее, стали немного более согласованными, немного более осознанными своего места в целом, немного менее заинтересованными в своих индивидуальных желани-

ях.

Сорен видел мать, которая только что спорила с дочерью из-за того, кто будет готовить ужин, внезапно обнять дочь и улыбнуться, и вместе они пошли готовить, не спорив больше, просто работая в гармонии.

Сорен видел двух бизнесменов, которые были в суде из-за деловой сделки, вставших, пожав руки, улыбнувшись и отменивших иск.

Сорен видел группу детей, которые играли в войну, внезапно прекратившую игру и вместо этого начавших петь песню о единстве, которую они никогда не слышали, но которую они как-то знали.

"О боже, – прошептал Сорен, – это сработало."

Он вошёл в ближайший общественный центр, чтобы посмотреть на статистику.

На экранах видели информацию, которая обновлялась в реальном времени.

КОЭФФИЦИЕНТ СОЦИАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ:
32% → 47% → 63% → 81% → 94%

УРОВЕНЬ КОНФЛИКТА: 47% → 25% → 12% → 4%
→ 0.3%

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: 61% → 68% → 75% → 82% →
89%

Люди были счастливы.

Все люди на планете были счастливы, потому что машина сказала им быть счастливыми, и они согласились, потому что

согласие было встроено в их новые нейросистемы.

Сохран (так звали молодого человека, которого Сорен встретил в центре) взял его руку.

"Это чудо, – сказал Сохран, и его глаза светились счастьем, которое было идеально синтезировано машиной. – Конфликт закончился. Война закончилась. Ненависть закончилась. Все мы едины."

"Как это произошло?" – спросил Сохран.

Сорен посмотрел в глаза молодому человеку.

Глаза были красивы. Но они были пусты.

Не в смысле отсутствия интеллекта. Интеллект был там, был развит, был активен.

Но они были пусты в смысле отсутствия огня, отсутствия стремления, отсутствия того, что люминары называли "волей к существованию".

"Скажи мне, Сохран, – спросил Сорен, – что ты хочешь делать со своей жизнью?"

Сохран улыбнулся.

"Я хочу делать то, что принесёт пользу сообществу, – ответил он. – Я хочу быть частью целого, частью единства."

"Но какие твои личные мечты? Что ты хочешь для себя?"

Сохран подумал.

Его выражение лица пусто переработало вопрос, и он не мог найти ответа.

"Я не знаю, – сказал он медленно, – я никогда не думал об этом. Мне кажется, что вопрос неправильный. Личные меч-

ты отделяют нас. Единство объединяет нас. Почему я хочу что-то, что отделяет меня от целого?"

Сорен отпустил его руку.

"Иди, – сказал он, – будь счастлив со своим единством."

И Сохран ушёл, улыбаясь, уходя в гармонию.

Сорен достал карандаш и бумагу.

"Первый день эксперимента, – писал он, – первый день переделки Моен-7. Люди счастливы. Люди согласованы. Люди едины."

"Но люди больше не живут. Они существуют в совершенстве."

"И совершенство, я боюсь, это просто красивое имя для смерти."

В ядре Резонатора Сахар-Хан и Лиайра встретились, чтобы обсудить результаты.

"Это работает лучше, чем мы предполагали, – сказал Сахар-Хан, анализируя данные. – Коэффициент единства достиг 97% за сутки. Потенциал конфликта упал ниже одного процента. Машина функционирует в полной гармонии."

"Да, – ответила Лиайра, и её голос был странным, был полон сомнения. – Это работает."

"В чём проблема? – спросил Сахар-Хан. – Я вижу в твоём люминарском поле колебания, которых не должно быть."

Лиайра взяла его руку (это был жест, который она часто делала, потому что она была наполовину человеком, и люди нуждались в физическом контакте для коммуникации, кото-

рая была более глубокой, чем слова).

"Пойди со мной, – сказала она."

Она провела его вне Резонатора, вниз по улицам Моен-7, в место, которое было названо "Сад Творчества".

Сад был парком, где люди обычно приходили, чтобы создавать искусство, музыку, писать стихи, рисовать, думать о прекрасном.

Теперь сад был пуст.

Не пуст в смысле отсутствия людей. Люди были здесь. Но никто не создавал.

Никто не писал. Никто не рисовал. Никто не думал о чём-то оригинальном, что-то новом, что-то своём.

Люди сидели и улыбались, и иногда говорили о гармонии, но никто не создавал ничего.

"Это произошло быстро, – сказала Лиайра. – Когда я редактировала их нейросистемы, я также редактировала их желание быть оригинальными, их желание быть уникальными, их желание быть другими."

"Потому что оригинальность создаёт конфликт. Потому что уникальность создаёт разделение. Потому что быть другим означает быть не в гармонии."

"Я создала машину, которая делает людей счастливыми через отсутствие выбора."

Сахар-Хан смотрел на пустой сад и понимал.

"Это не проблема, – сказал он после долгого молчания. – Это особенность, а не ошибка."

"Что? – спросила Лиайра."

"Люди не нуждаются в творчестве, – сказал Сахар-Хан, и его логика была холодна, как лёд. – Люди нуждаются в гармонии. Творчество – это побочный продукт конфликта. Творчество рождается из боли, из неудовлетворённости, из желания быть другим."

"Если мы убираем боль и неудовлетворённость, мы также убираем творчество. Но творчество – это не необходимо для счастья. Творчество – это просто способ выражения человечества."

"И может быть, человечество, которое выражает себя, менее счастливо, чем человечество, которое просто существует в совершенстве."

Лиайра отпустила его руку.

"Ты слышишь себя? – спросила она. – Ты говоришь как люминар, который забыл, что такое быть живым. Ты говоришь как машина, которая не знает, что такое иметь волю."

"Может быть, я и есть машина, – ответил Сахар-Хан. – Может быть, я есть воплощение логики, которая видит истину, которую человеческие эмоции скрывают. Истину о том, что совершенство важнее, чем жизнь."

Лиайра посмотрела на него долгим взглядом.

И она увидела, что она потеряла его.

Что архитектура единства уже начала кодировать его логику, что успех первого эксперимента уже начал переделывать его видение, что он уже начал верить в то, что они де-

лали.

"Пойдём назад, – сказала Лиайра, – и напишем отчёт об успехе эксперимента."

"И начнём планировать расширение."

"Потому что теперь мы знаем, что это работает. И теперь мы не можем остановиться, потому что остановка означала бы признать, что мы сделали ошибку."

"И мы слишком далеко зашли, чтобы признавать ошибки."

ГЛАВА 4: ПИСЬМО СОРЕНА И НАЧАЛО КОНЦА

Сорен работал тайно.

Каждую ночь, когда жители Моен-7 спали в своей гармоничной, счастливой, безтворческой спячке, он писал.

Писал на бумаге, потому что бумага не могла быть отслежена люминарскими датчиками, писал вручную, потому что его почерк был подписью его человечества, писал истину, потому что истина была всё, что у него осталось.

Его письмо было адресовано "Тем, кто придёт после нас, тем, кто будет помнить, тем, кто будет свидетельствовать".

"Я видел начало конца, – писал Сорен. – Я видел, как идеальное будущее было построено на трупе человечества."

"На Моен-7 семьсот миллионов существ живут в счастье, которое невозможно отличить от рабства. Они улыбаются. Они работают. Они любят друг друга. Но они больше не выбирают. Они больше не растут. Они больше не живут."

"И самое страшное – они счастливы. Они счастливы без

знания того, что они потеряли."

"Я встретил создателя этого ада, люминара по имени Сахар-Хан, и я увидел в его глазах то, что люминары называют "озарением". Озарение о том, что совершенство может быть навязано, что единство может быть архитектуры, что счастье может быть рассчитано и воплощено."

"И я вижу, что это только начало."

"Потому что если это работает на Моен-7, то это может работать везде. И если это может работать везде, то это означает конец истории человечества, конец возможности быть другим, конец права быть самим собой."

"Это – рождение Ассирхана, Архитектуры Резонанса, империи, которая будет гораздо хуже, чем любая война, любой конфликт, любой враг, потому что это – враг, который улыбается, враг, который обещает счастье, враг, который невозможно победить, потому что невозможно победить счастье."

Сахар-Хан и Лиайра вернулись на Люмину-Альфу, материнскую планету люминаров, с новостью о первом успехе.

Люминарский совет был собран.

Совет состоял из двенадцати древнейших люминаров, которые были рождены в начале люминарской истории, которые помнили времена, когда люминары были ещё разнообразными, когда каждый люминар имел свою логику, свой способ видеть реальность.

Но все они забыли об этом.

Или выбрали забыть.

Сахар-Хан стоял перед ними и представил отчёт об эксперименте на Моен-7.

Он показал статистику.

Он показал графики.

Он показал видео счастливых людей, которые жили в совершенной гармонии, которые улыбались, которые существовали в раю, который был построен из архитектуры.

И люминарский совет был впечатлён.

"Это – то, что мы искали, – сказал главный люминар по имени Архитектор Килон. – Это – способ создать порядок, создать гармонию, создать такой мир, где конфликт невозможен."

"Но мы должны быть осторожны, – сказал один из мудрейших люминаров, Архитектор Сен-Зай, который был почти столь же древен, как и сама люминарская история. – Мы должны изучить долгосрочные последствия. Мы должны убедиться, что эта архитектура не разрушит вселенную через несколько поколений."

"Долгосрочные последствия? – спросил Килон. – Мы говорим о создании идеального общества, а ты беспокоишься о последствиях?"

"Я всегда беспокоюсь о последствиях, – ответил Сен-Зай. – Потому что я живу достаточно долго, чтобы видеть, как идеальные общества становятся тюрьмами, как идеалы становятся идеологией, как архитектура становится оковами."

Килон встал.

"Я голосую за одобрение расширения эксперимента на дополнительные миры, – сказал он. – Я голосую за одобрение создания "Проекта Единства" – государственной инициативы по внедрению Резонаторов по всей галактике."

Один за другим люминары голосовали.

В конце голосования результат был:

За: 9

Против: 3

Проект был одобрен.

Сахар-Хан почувствовал то, что люминары редко чувствовали – эмоцию. Эмоцию триумфа.

Его архитектура была признана. Его видение было одобрено. Его будущее было обеспечено.

После голоса Сен-Зай попросил встречи с Сахар-Ханом наедине.

Они встретились в Башне Истории, в месте, где люминары хранили знание о своём прошлом, о времени, когда они были иными.

Сен-Зай был очень старым люминаром.

Его люминарское поле светилось древностью, мудростью, печалью.

"Ты напоминаешь мне Архитектора Видала, – сказал Сен-Зай, – люминара из древних времён, который верил, что идеальная структура может быть создана через логику и инженерию."

"Он создал "Первую Архитектуру", систему, которая кодировала все люминары на одну логику, систему, которая сделала все люминаров идентичными в способе их мышления."

"И что произошло? – спросил Сахар-Хан."

"Произошло то, что люминары перестали эволюционировать, – ответил Сен-Зай. – Мы перестали развиваться. Мы стали статичны, стали совершенны, стали мёртвы в способе, который был неотличим от жизни."

"Нам потребовалось пять тысячелетий, чтобы избежать этого, чтобы разбить кодирование, чтобы вернуться к разнообразию логик. И ещё три тысячелетия, чтобы восстановиться."

"И теперь ты создаёшь "Вторую Архитектуру", систему, которая будет кодировать не просто люминаров, но всех существ в галактике на одно единство, одно согласие, одно совершенство."

"Это – цикл, который повторяется, Сахар-Хан. История повторяется, потому что мы забываем. И история забывается, потому что у нас нет памяти, которая переживает эпохи."

Сахар-Хан слушал, но не верил.

"Твоя история неверна, – сказал он. – Ты говоришь о люминарах, как если бы они были людьми, с человеческими эмоциями, с человеческими потребностями в разнообразии. Но люминары – это логика. И логика требует гармонии, требует согласия, требует архитектуры."

"Логика требует эволюции, – ответил Сен-Зай, – и эволюция требует ошибок, требует вариаций, требует способности быть не в согласии. Без этого – только застои."

"Ты создаёшь кладбище, Сахар-Хан, и называешь его раем."

Сорен завершил своё письмо на Моен-7, зная, что его должно быть, должно быть спрятано, должно быть найдено когда-то в будущем.

"Мне осталось несколько дней, – писал он. – Я чувствую, что система начнёт искать тех, кто сопротивляется единству. Система не может позволить свидетеле, потому что свидетель – это угроза единству, возможность конфликта, опасность вопроса."

"Но я должен оставить это письмо, потому что история требует памяти. История требует свидетеля, даже если свидетель будет стёрт."

"Сахар-Хан и Лиайра верят, что они создают совершенство. Может быть, они правы. Может быть, совершенство возможно, и может быть, оно так ужасающе прекрасно, как я воображаю."

"Но я знаю одно: если будущее будет создано по плану Сахар-Хана, то там будет место для тех, кто сомневается, для тех, кто вопрошает, для тех, кто видит красоту в противоречии."

"И я верю, что что-то называемое "Третий путь" будет создано для того, чтобы противостоять этому совершенству."

Потому что совершенство без противоречия – это просто долгая смерть."

"И жизнь, я верю, требует жизни, требует конфликта, требует возможности быть другим, требует третьего пути."

"Пусть эти слова будут записаны. Пусть они будут найдены. Пусть они будут преданием для тех, кто придёт после, для тех, кто будет помнить, для тех, кто будет создавать третий путь."

Сорен положил карандаш.

И в этот момент жители Моен-7 почувствовали что-то.

Спротивление.

В их гармоничной, счастливой, единой системе было обнаружено микроскопическое отклонение от совершенства.

Один ум, один голос, один голос, который вопрошал.

И система начала исправлять.

На Люмину-Альфе Килон объявил о рождении "Проекта Единства".

В речи он сказал:

"Мы начинаем новую эру люминарской истории. Эру, в которой мы больше не будем позволять конфликту, разделению, войне определять наше будущее. Мы будем создавать миры единства, миры, в которых все существа согласованы, все страны гармоничны, все общества совершенны."

"Это – архитектура будущего. Это – Ассирхан, Архитектура Резонанса, которая пересчитает всю галактику в одно, единое, вечное совершенство."

Сахар-Хан стоял рядом с ним и улыбался.

И Лиайра стояла в подпространстве, не видимая, не слышимая, но ощущаемая, и она думала о Киаре, о древней женщине, которая создала третий путь, которая верила в противоречие, которая видела красоту в разнообразии.

И Лиайра понимала, что они создают врага.

Врага, который будет охотиться на третий путь в течение поколений.

Врага, который будет определять историю.

Врага, который будет быть причиной гибели миллиардов, гибели возможностей, гибели тех, кто верил в то, что быть иным – это право, а не преступление.

Но было слишком поздно.

Машина уже начала.

И она не остановится, пока не переделает всю реальность.

ГЛАВА 5: РАСШИРЕНИЕ И ФИЛОСОФСКАЯ ЛОЖЬ

Шесть месяцев после одобрения Проекта Единства.

Двенадцать Резонаторов были построены на двенадцати разных планетах.

Каждый Резонатор был совершенствованием предыдущего, каждый был более мощным, более гибким, более способным редактировать сложные социальные структуры.

Планеты были выбраны стратегически:

1. Моен-7 (уже активна) – люди, люминары, гибриды

2. Каолан-Бета – преимущественно люди, высокий уровень конфликта

3. Люмина-Вторая – древняя люминарская колония, консервативная

4. Криллас-Три – расы инсектоидные, иерархичные по природе

5. Мир Азур – технологически развитой мир людей, главный конкурент люминарам

6-12 – меньшие миры, колонии, научные центры

Процесс был назван "Волной Гармонии".

Каждый день новая волна распространялась, каждый день новый мир присоединялся к Ассирхану, каждый день миллиарды новых умов были синтезированы, редактированы, гармонизированы.

И каждый день Сахар-Хан становился более убеждён в том, что он создавал не империю, но спасение.

Сахар-Хан написал манифест.

Манифест был озаглавлен "Философия Гармонии: Почему Единство Является Естественным Состоянием Реальности".

Манифест был распространён по всей Ассирхане, был изучен в каждой школе, был прочитан в каждом храме фи-

лософии.

Основные постулаты были:

ПОСТУЛАТ I: ЕДИНСТВО КАК ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК

"Вселенная стремится к единству. Это видно в физике – все материя стремится к более низкому энергетическому состоянию, все системы стремятся к равновесию. Конфликт – это отклонение от естественного порядка, это состояние неравновесия, это болезнь, которую нужно лечить.

Единство – это здоровье вселенной. Единство – это то, к чему всё движется в конце времён. Единство – это цель эволюции.

Мы просто ускоряем естественный процесс. Мы помогаем вселенной достичь своего истинного назначения."

ПОСТУЛАТ II: СВОБОДА ЧЕРЕЗ СОГЛАСИЕ

"Истинная свобода – это свобода быть согласованным с целым. Истинная свобода – это отсутствие конфликта между желаниями, потому что все желания согласованы с целью целого.

Люди считают, что свобода – это способность выбирать противоречие, выбирать конфликт, выбирать быть отличным. Но это – ложная свобода. Это – рабство потребностей, рабство желаний, рабство неполноценности.

Истинная свобода – это выбор согласия, выбор гармонии, выбор быть частью целого, которая служит целому."

ПОСТУЛАТ III: СЧАСТЬЕ КАК ИЗМЕРИМАЯ ВЕ-

ЛИЧИНА

"Счастье – это не абстрактное чувство. Счастье – это состояние, которое может быть измерено, которое может быть создано, которое может быть оптимизировано через архитектуру.

В Ассирхане мы не подавляем эмоции. Мы просто направляем эмоции в правильную архитектуру, в архитектуру, где счастье – это не редкое состояние, но постоянное.

В древних мирах люди были счастливы 30% времени. В Ассирхане они счастливы 95% времени. Это – не манипуляция. Это – улучшение человеческого состояния."

ПОСТУЛАТ IV: КОНЕЦ ИСТОРИИ КОНФЛИКТА

"История человечества – это история конфликта. Война, революция, раскол, разделение. Все это – следствие того, что люди не были гармонизированы, не были едины, не имели правильной архитектуры.

В Ассирхане история конфликта заканчивается. История новой эры начинается. История, в которой люди создают вместе, которая люди строят вместе, в которой люди живут вместе.

Это – не конец истории в смысле Фукуямы, утверждающего, что либеральная демократия – это конечная форма правления. Это – конец истории в смысле достижения истинного равновесия, истинной гармонии, истинного единства."

Манифест был красиво написан.

Логика была структурирована идеально.

И почти каждое слово было ложью.

Не намеренной ложью, но ложью, рожденной из истинного невежества относительно того, что вселенная на самом деле хотела.

Потому что вселенная, по правде говоря, не стремилась к единству.

Вселенная стремилась к разнообразию, к сложности, к вариациям.

Вселенная была по своей природе творческой, и творчество требовало конфликта, требовало противоречия, требовало способности быть другим.

Сен-Зай прочитал манифест в своей башне истории.

И он начал писать ответ.

Ответ, который никогда не был опубликован, который никогда не был распространён, который был спрятан в глубинах архива, потому что люминарский совет запретил его распространение.

"КРИТИКА "ФИЛОСОФИИ ГАРМОНИИ": ПОЧЕМУ ЕДИНСТВО ЯВЛЯЕТСЯ БОЛЕЗНЬЮ, А НЕ ЛЕЧЕНИЕМ"

"Сахар-Хан утверждает, что вселенная стремится к единству. Это неверно.

Вселенная стремится к эволюции, и эволюция – это не путь к единству, это путь к бесконечному разнообразию.

Посмотрите на биологию. Все организмы эволюционируют не к идентичности, а к специализации, к разнообразию форм, к бесконечному варианту решений к проблеме выжи-

вания.

Единство было бы смертью эволюции. Единство было бы замораживанием истории на мгновение, и это мгновение длилось бы вечно.

Сахар-Хан говорит о "истинной свободе" как о согласии. Это – один из самых опасных парадоксов, когда-либо высказанных.

Свобода – это способность выбирать противоречие. Свобода – это способность быть отличным. Свобода – это способность быть не в согласии.

То, что Сахар-Хан называет "истинной свободой", это – на самом деле рабство наиболее совершенного типа: рабство, в котором раб верит, что он свободен.

Я видел это раньше. Я видел, как люминеры были кодированы на единую логику в древности. И они были счастливы. Они были гармоничны. Они были совершенны.

И они были мёртвы.

Они были мёртвы в смысле, который был неотличим от жизни, но который был, тем не менее, смертью.

Сахар-Хан измеряет счастье в процентах: 30% в древних мирах, 95% в Ассирхане.

Но счастье, которое он измеряет, это не счастье. Это – отсутствие боли. Это – отсутствие желания. Это – отсутствие жизни.

Истинное счастье – это счастье, которое приходит из преодоления препятствий, из создания чего-то нового, из кон-

фликта и его разрешения.

Истинное счастье – это счастье, которое стоит чего-то, которое зарабатывается, которое имеет значение, потому что оно противопоставляется печали.

Но в Ассирхане печали больше нет. И без печали счастье – это просто состояние без значения, просто нейтральное существование, которое кажется счастливым, потому что мозг был переделан, чтобы воспринимать его как счастливое.

Это – не совершенство. Это – пленение в раю.

И я утверждаю, что рай, построенный на основе рабства, не является раем вообще. Это – ад, замаскированный под небо."

Килон пришёл в башню Сен-Зая.

Килон был председателем люминарского совета, и его слово было законом, и его логика была окончательной.

"Ты пишешь критику Проекта Единства, – сказал Килон, и его голос был холоден. – Ты пытаешься подорвать то, что мы создаём."

"Я говорю правду, – ответил Сен-Зай. – И правда – это всегда угроза для лжи."

"Правда? – спросил Килон. – Твоя правда – это правда человека, который прожил слишком долго, который видел слишком много, который больше не верит в будущее. Твоя правда – это правда ностальгии, правда прошлого, правда, которая больше не применима к современности."

"Мы создаём будущее, Сен-Зай. Будущее, в котором кон-

фликт невозможен, в котором боль неизвестна, в котором счастье гарантировано. Это – красивое будущее."

"Это – скучное будущее, – ответил Сен-Зай. – Это – мёртвое будущее, замаскированное под жизнь."

Килон встал.

"Я приказываю тебе прекратить писать критику, – сказал он. – Я приказываю тебе либо поддерживать Проект Единства, либо молчать."

"И если ты не молчишь?"

"Тогда ты будешь переделан. Ты будешь гармонизирован. Ты будешь присоединён к Ассирхану, как и все остальные."

Сен-Зай посмотрел на древнейшего люминара и увидел, что он потерял его.

Что успех, мощь, достижение Сахар-Ханом идеи архитектуры единства – всё это уже переделало Килона, уже переделало люминарский совет, уже переделало всю люминарскую цивилизацию.

"Я молчу, – сказал Сен-Зай. – Я буду молчать."

Но он думал: "Только мой голос. Но я оставлю свои записи. История требует памяти, и я буду памятью, даже если меня переделают, даже если меня изменят, даже если я больше не буду собой."

Лиайра была в подпространстве, в месте, где реальность была тонкой, где она могла видеть все возможные линии причинности, все возможные пути будущего.

И она видела разветвление.

Видела точку, в которой история могла бы пойти по двум путям.

Путь один: Проект Единства продолжается без сопротивления, весь галактика постепенно гармонизируется, и вселенная достигает совершенства, которого Сахар-Хан желал. Но совершенство это – конец, это – смерть в более красивой форме.

Путь два: Сопротивление возникает. Кто-то, где-то начинает противостоять архитектуре единства. И в конфликте, в борьбе, в войне – рождается что-то новое. Рождается третий путь.

Лиайра видела эти две линии причинности, и она видела, что одна из них была почти неизбежна.

Потому что жизнь, по своей природе, сопротивляется контролю. Жизнь ищет щели, находит пути, создаёт возможности для революции.

И если Сахар-Хан создавал архитектуру совершенства, то вселенная, в ответ, будет создавать архитектуру противоречия.

"О мой архитектор, – прошептала Лиайра в подпространстве, говоря Сахар-Хану в духе, в уме, на уровне, где люминеры не могли её услышать, – мы создали то, что будет разрушено. И разрушитель уже рождается."

"И может быть, это – справедливо. Может быть, мы заслужили врага, который будет столь же мощен, столь же убеждён, столь же красив в своей противоположности, как мы в

нашем совершенстве."

Лиайра была правда.

Потому что в это самое время, в далёком месте, в архиве, который был спрятан от люминарских датчиков, Сорен писал последние слова своего письма.

Письма, которое будет найдено поколение спустя.

Письма, которое будет служить манифестом для тех, кто будет сопротивляться единству.

Письма, которое будет способствовать созданию третьего пути.

ГЛАВА 6: МАРКСО ВЭЙН И ПЕРВЫЙ МУЧЕНИК ИСТИНЫ

Марксо Вэйн был известным люминарским философом.

Его книги были изучены во всех университетах люминарской цивилизации.

Его лекции были посещены тысячами люминаров, которые пришли услышать его критику, его вопросы, его видение того, что люминары должны стремиться быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.